

* «Я считаю, что лучше играть одну очень хорошую роль, чем десяток посредственных».

Москва, -1993, -сентябрь (№28) -с.5.

В наш прак-
тический
век, когда

многие деловиты и озачинены погоней за успехом прибылью или еще чем-нибудь, Ольга Михайловна умудряется сохранять почти детскую наивность и восторженность восприятия мира. И это не сознательно культивируемая черта, необходимая профессии, это просто естественное состояние души, которое не сыграешь. Проблем, конечно, хватает, как и у всех, но они не вызывают суеты и паники, спасает умение быть благодарной судьбе за то, что она дает, не требуя чего-то большего.

Эти качества помогают и в жизни, и в работе, в общении с людьми и быстрой адаптации в разных творческих коллективах. А в жизни Ольги Остроумовой уже три театра, не считая «гастрольной» роли в Театре миниатюр (нынешнем «Эрмитаже»).

— Ольга Михайловна, с чем связаны ваши переходы из театра в театр?

— Причины в каждом случае разные. В ТЮЗ меня пригласил П. Хомский, руководитель нашего курса в ГИТИСе. Тогда это был очень интересный театр. Но через три года Хомский ушел и что-то изменилось. Одновременно и я почувствовала, что выросла из детских ролей. Поначалу они увлекали, радовали, а потом захотелось чего-то иного. На первых порах все ново и интересно. Правда, я не изображала ни зайчиков, ни морковок. Помню, играла десятиклассницу в спектакле «Как дела, молодой человек» Шандора Шо-моди Тоота, там же была и первая характерная роль — Лебедкина. После ухода Хомского словно бы возникла совершенно иная творческая структура. В это время меня пригласили в Театр на Малой Бронной, и я согласилась. Проработала там десять лет, играла в спектаклях В. Дунаева и в двух — у А. Эфроса. Но потом началась борьба, в которой не хотелось участвовать, тогда они оба ушли. В Театре им. Моссовета я увидела то, что очень для меня важно — это актерский театр. Начала я там с очень интересной и люби-

мой мной работы с Г. Яновской во «Вдовьем пароходе». Что касается «Эрмитажа», то здесь просто стечение обстоятельств: нужно было срочно подменить другую исполнительницу, и я подключилась, чтобы сохранился спектакль.

— Ольга Михайловна, в кино у вас обычно преобладают роли более близкие к современности, нежели к дням минувшим, и здесь вы нередко единственная исполнительница. В театре же вы играли Глафиру в «Волках и овцах» А. Н. Островского, Татьяну в горьковских «Врагах» и вот сегодня в одной из последних премьер Театра имени Моссовета — Елена в «Белой гвардии» М. А. Булгакова. За любой классической ролью тянется шлейф множества других исполнений, вы его как-то ощущаете, пытаетесь что-то изучить, прочитать про своих предшественниц, или, напротив, стараетесь, отбросив все, начинать с нуля?

— Стараюсь не думать об этом, просто не обращать внимания, я же должна открыть для себя все заново. Если и читаю про прежних исполнительниц, то только потом, когда уже утвердилась в чем-то своем.

Играя сегодня Елену в «Белой гвардии», я испытываю огромное счастье. Какой удивительно живой, человеческий текст! У меня ощущение, что я ни секунды никого не обманываю, существую как рыба в воде. Самая большая похвала для меня, это когда говорят, что не хочется уходить из дома Турбиных.

— Как когда-то мхатовским поклонникам не хотелось уходить из дома сестер Прозоровых. И сегодня ощутили, на мой взгляд, это желание людей приходить в театр, как в дом, как в гости к добрым, хорошим людям. В сравнении с предыдущими двумя-тремя годами, когда отток зрителей от театра был виден достаточно отчетливо, сейчас зрительные залы снова стали заполняться. И идут, в основном, на классику.

— Такой театр нужен всегда, и он не может уме-

ОЛЬГА ОСТРОУМОВА:

«ГЛАВНОЕ — УМЕТЬ РАДОВАТЬСЯ МАЛОМУ»

Бывают актеры, и в жизни играющие созданный ими образ. Маска легко снимается и надевается, а иногда может так прирасти к лицу, что от нее уже трудно отделаться. Даже если бы Ольга Остроумова придумала себе маску, то вряд ли смогла бы ее носить, она бы ей мешала. И героиня Остроумовой, какими бы разными они ни были, объединяет безыскусность и искренность, присущие самой актрисе.

реть. Я никогда не приглашаю знакомых на свои спектакли: как-то неудобно говорить, мол, приходите на меня посмотреть. Но, вы знаете, мне постоянно звонят, просят на «Белую гвардию», я по десятку билетов заказываю на спектакль. И как зал слушает, как точно реаги-

рует! Людям сегодня нужно именно это, а не грязь, которой и так хватает.

— В последнем в недавние годы, пожалуй, больше преуспевало кино. А сегодня про работу в кино вообще нередко приходится говорить чисто теоретически, поскольку большинство

отечественных фильмов можно «поймать» лишь на премьерных показах, да на презентациях в Доме кино или Киноцентре, а о многих просто ничего не знать. Поэтому следующий вопрос звучит весьма абстрактно: были ли у вас в последние годы работы в кино?

— Как зритель я в кино не была очень давно — одни боевики кругом. Да и как актрису хорошими сценариями тоже не баловали. А в прошлом году попался один, на мой взгляд, интересный — «Очень верная жена». Я там сыграла бывшего райкомовского работника. Поначалу она выглядит очень жесткой, я даже не ожидала, что могу быть такой, но она еще не превратилась в некую ходячую схему, осталась живым человеком, который может быть добрым и умеет понимать людей. По заказу «Останкино» снялась на Беларусь-фильме в картине «Прощальные гастролы». И здесь привлекло то, что нет никакой «чернухи», живая человеческая история. Это всегда нужно и на сцене, и на экране, и в выступлениях перед зрителем. У меня есть программа по стихам М. Цветаевой и А. Ахматовой. Я ее два раза показывала в Екатеринбурге. Была удивительная тишина в зале, люди слушали очень внимательно, и не потому, что я так хорошо читала, просто им было это нужно.

— От реакции зрителей во многом зависит и ваше самочувствие, особенно когда вы с ними один на один...

— Да. Я не могу, как машина, повторять одно и то же. Это невозможно. Когда ехала на второй концерт, думала, что же я буду говорить, казалось, что все сказала вчера, полностью выложились в первый день. Но потом слова как-то нашлись сами собой. У меня нет точного сценария вечера, только стихи, а все остальное рождается прямо на сцене.

— Выступления вы не планируете, а в жизни пытаетесь что-то спланировать или надеетесь на судьбу?

— Надеюсь на судьбу. Планирую, конечно, минимум в житейском смысле. Но, я считаю, что жизнь на-

столько непредсказуема, что бесполезно планировать. По той же причине я никогда не мечтаю о ролях.

— Меньше разочарований и переживаний по поводу несбывшихся надежд?

— Просто важно уметь радоваться малому, как большому, воспринимать даже то, пусть не многое, что дает жизнь, как подарок. Я думаю, что мне присуще это качество, но в том не моя заслуга, уж так я психологически сложена. А подобное восприятие мира идет не от разума, а от чувства, от строения психики. Кто-то страдает от недовольственности, от того, что мало занят в репертуаре. А я играла одну роль во «Вдовьем пароходе», и мне было достаточно. Главное, какая роль. Не думаю, что я была бы счастливее, если бы у меня было больше спектаклей.

— Это действительно не совсем обычно, чаще актеры жалуются на недостаточное количество работы.

— Да, если бы все работы были одинаково высокого уровня, но такого практически не бывает, поэтому я считаю, что лучше играть одну очень хорошую роль, чем десяток посредственных.

— Вы не честолюбивы? Не стремились сознательно сделать карьеру?

— Нет, к карьере не стремилась. Всегда хотела хорошо делать свое дело, в этом смысле я честолюбива, а карьера — нет.

— И последнее: может быть, я ошибусь в цитате, но, по-моему, когда-то вы сказали, что бываете «искренни до глупости».

— Точно-точно, сказала. Иногда такое ляпну, что лучше бы и не надо.

— Нелегко, наверное, приходится от такой особенности характера?

— Вы знаете, нет. Как раз по-другому трудно. Уж такая уродилась. В юности была страшно непосредственной, потом непосредственности поубавилось, а искренность осталась. И слава Богу!

Беседу вела
Марина ГАЕВСКАЯ

Фото Б. Велицына